

Бабич А.В.,
главный специалист ГКУ «Крайгосархив»
член Краснодарского отделения РОИА

«ТАМ ХРАМЫ ЗИЖДУТСЯ С УСЕРДИЕМ СВЯЩЕННЫ...»

**(ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ПРАВОСЛАВИЯ НА КУБАНИ
В КОНЦЕ XVIII НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ)**

*Где необузданность своей не знала меры,
Неведом был Творец, ни святость Его веры:
.....
Там храмы зиждутся с усердием священны,
Там верные поют Творцу хвалы безсменны...*

Кирилл Россинский. Ода.

Прежде чем перейти к освещению событий, связанных с утверждением христианства на Кавказе в конце XVIII начале XIX веков, следует отметить, что первое знакомство коренных жителей Северного Кавказа с христианством произошло еще в I в. н. э. благодаря Св. Апостолу Андрею Первозванному. Христианами были жители греческих колоний: Фанагории, Танаиса, расположенных при устье Дона, Анатурса на Кубани, Фасиса, Диаскураса и др. Греческие колонии, в свою очередь, оказывали значительное влияние на жизнь местных племен, особенно в связи с появлением торговых путей, на пересечении которых греки строили храмы. Древние христианские памятники относятся к X в., это греческие монастырские подворья с устроенными при них караван-сараями. В то время делу распространения христианства служили и купец, и священник. Кубань и ее притоки были главной торговой дорогой на Северный Кавказ. По Кубани и возникали христианские храмы. Раскопки курганов и древних могил, проведенные в Кабарде, Владикавказском округе и Адыгее свидетельствуют, что греческое влияние простиралось на весь Северный Кавказ. В 858 г., в эпоху расцвета Хазарского каганата, на северный Кавказ для проповеди Евангелия прибыли славянские первоучители Кирилл и Мефодий. По распоряжению византийского императора Михаила III св. братья отправились в Хазарию, а по пути посетили северную часть будущей Ставропольской епархии. С этого времени Византия начинает активно распространять христианство в кавказском регионе [1].

Известно, что у адыгов христианство в его греко-византийской, православной форме прочно существовало еще в XIV в. В XV в. в Черкесии побывал итальянский путешественник Джорджио Интериано, который писал об адыгах «Они исповедуют христианскую религию и имеют священников по греческому обряду...». Однако в XVIII в., после насаждения Турцией на Кав-

казе ислама, христианство уже существовало здесь как пережиток бывшей религии [2].

В конце XVIII в. над Кавказом занимается заря новой эпохи.

30 июня 1792 г. императрица Екатерина II пожаловала Черноморскому войску остров Фанагорию и правобережье Кубани до устья реки Лабы. 25 августа гребная флотилия черноморцев, под руководством войскового полковника Саввы Белого, прибыла к берегам Тамани. В октябре того же года на Тамани высадился отряд казаков-переселенцев во главе с полковником К. Кордовским. Эти события и положили начало заселению Кубани черноморскими казаками.

Черноморцы, являвшиеся потомками запорожцев и других вольнолюбивых представителей окраинных земель, раскинувшихся на Западе необъятной России, по словам митрополита Ставропольского и Бакинского Гедеона, «отличались редкой приверженностью к православной вере...» [3].

К этому следует добавить, что Россия, как Христианская империя и духовная преемница державы Ромеев (Византии), продолжала и начатую им духовную миссию: распространение Евангельского Благовествования по всему миру. На новых землях, которые, по милости Божьей, попадали под власть России, строились не только крепости и бастионы, на этих землях возводились храмы и утверждался православный восьмиконечный крест, а из храмов разносилась и проповедь о спасительной жертве Господа нашего Иисуса Христа, нисшедшего на грешную землю, дабы вернуть падшее человечество в обители, приготовленные для него Творцом.

К сожалению, вначале, после переселения черноморцев на Кубань, войско довольно продолжительный период времени оставалось без духовенства и храмов, что приводило к нежелательным последствиям: в возникающих поселениях казаки умирали без исповеди и причастия, а младенцы – без крещения. Вот почему казачьи вожди Захарий Чепега и Антон Головатый с первых же дней стали прилагать титанические усилия с целью организовать свое, казачье духовенство и воздвигнуть храмы Божьи на благодатной Кубанской земле.

20 октября 1793 г. в письме, присланном из Тамани, Антон Головатый рекомендовал кошевому атаману Захарью Чепеге воспользоваться пребыванием в Таврии преосвященного Иова и послать ему на просмотр списки кандидатов в священники из казаков. Кроме этого, войсковой судья сделал существенное добавление «за одним разом просите антиминов¹ в каждом селении, назнача храмам Божьим название».

¹ Антиминс (греч. – вместопрестолие) – предмет, заменяющий престол и одновременно сам являющийся престолом. Своим происхождением связан с древнехристианским обычаем совершать литургию на гробницах мучеников. Представляет собой четырехугольный плат из шелковой или льняной материи с изображением на нем положения во гроб Иисуса Христа, орудий страстей, а по углам – четырех евангелистов и их символов – тельца, льва, человека и орла. Здесь же надпись, сообщающая, когда, где, для какой церкви и каким епископом антиминос освящен, с подписью этого епископа. В середину антиминоса, ближе к его верхнему краю, вшивается залитая воскомастиком частица святых мощей в мешочке. Первый известный русский антиминос датируется 1148-1149 гг. В середине XVII в. по инициативе патриарха Никона в Москве начали печатать гравированные антиминосы. Епископам было предоставлено право рассылать в новоустроенные храмы предварительно освященные антиминосы. Без антиминоса нельзя служить литургию. Хранится он на

В поддержку Антону Головатому выступили жители сел. Константиновки (Старого Копыла), собравшие 280 рублей для постройки церкви во имя Архистратига Михаила и просившие Войсковое правительство о разрешении постройки храма и о рукоположении к ней во священники местного казака Михаила Саввича Костенка, 31 года, женатого первым браком на девице и «доброе состояния человека» [4].

Однако преосвященный Иов не сразу решился исполнить просьбу Черноморского Войскового правительства. 4 ноября 1793 г. от него был получен ответ: «Всеусердно рад бы удовлетворить просьбу Вашу позволением строить в войске церкви, выдачей в оныя святых антиминсов, посвящением присланных от вас людей шестерых во священники, а седьмого во диаконы и определением для них наставника, но без повеления Святейшего Правительствующего Синода приступить к тому не смею, потому что не знаю, от какого архиерея войску следует получать священников и прочие потребности.

Советую, Милостивый Государь, просить Святейшего Синода, а в какой силе, прилагаю при сем просьбу, которую, по подписании, пришлите ко мне, а я оную отправлю к моему приятелю, который, несомненно, Вам доставит благой успех.

Святейший Синод в таком деле охотно согласится удовлетворить просьбу, тем паче, что резоны представляются неоспоримые, а при том в небывалом до сего месте, которое окружают еще неверные, будут созидать храмы и чрез то умножится прославление Божьего Имени и вера христианская.

До получения же из Синода в резолюцию указа, соберите двух честных человек, знающих церковный устав, и снабдите их от Коша увольнительными свидетельствами для поступления в духовное звание, которых, а равно и просьбу, пришлите ко мне, но не упоминайте в просьбе их имен, а только то, что по необходимости нужен священник и диакон, то я их произведу и под видом своих штатных отправлю к Вам, о чем объявляю и при желании моем всякого благополучия есмь с неперменным высокопочитанием» [5].

4 ноября того же, 1793 года, Захарий Чепега направил письмо Феодосийскому преосвященному Иову, в котором характеризовал отчаянное положение Черноморского войска, лишённого духовного окормления: «Бывший у нас при церкви, выпрошенный из города Черкаска на время, священник, отец Петр Степанов, - писал кошевой атаман, - возвратился в свой дом, а прибывший было к нам иеромонах, отец Варнава, вчерашнего числа помер. И так мы теперь остались беспоповцы, через что многие по войску люди без довлеемого преподавания христианских треб умирают.

О сем Ваше преосвященство утруждая, покорнейше просим отправленных от нас ставленников во священники архипастырски рукоположив, ско-

престоле завернутым в илтон и развертывается только перед началом литургии. Антиминсы бывают подвижные «для совершения службы на всяком месте» и неподвижные, которые постоянно находятся в храме. Новые антиминсы полагаются при освящении храма, перемене имени его св. покровителя и в случае осквернения храма.

рейше отправить, а буде зачем сего в скорости сделать не можно, одного к нам на время с сим нарочно посланным прислать милостиво не оставить» [6].

8 декабря последовал ответ епископа:

«Присланные от Вас кандидаты Василий Дьячевский и Филипп Стояновский, первый священником, а второй диаконом, мною произведены и во удовлетворение просьбы Вашей, для священнослужения и преподавания людям христианских треб, к Вам посылкою, впредь до востребования.

Когда же от Святейшего Синода последует резолюция всходство желанья Вашего, то они навсегда у Вас останутся...» [7].

Следуя совету епископа, Войсковое правительство обратилось в Святейший Синод, ярко живописуя беспомощность населения, лишенного христианских таинств и треб. В связи с тем, что ближе всего к области Черноморского войска находился епископ Феодосийский и Мариупольский Иов, Синод, по прямому указанию императрицы Екатерины II указом от 4 марта 1794 г. постановил причислить Черноморию к Феодосийской епархии и дал общие указания об устройстве церквей и организации духовенства. При этом возводить в священники дозволялось лиц «не обязанных воинской службой и государственными податями, православных по вере и надлежаще подготовленных для служения в храмах». По просьбе казаков разрешалось посвящать «на первый раз без излишества», сколько потребуется в священники и одного в диаконы. Там где еще не было храмов, разрешалось ставить походные церкви, при условии постройки для духовенства «выгодных домов». Епископу поручалось «смотреть, чтобы не было излишества» в количестве церквей, причем церковный приход определялся количеством не менее ста дворов по 4 души мужеского пола в каждом.

Архиерею, в свою очередь, вменялось наблюдать за тем, чтобы в каждом приходе, согласно межевой инструкции от 13 февраля 1766 г. п. 69, причту отводилось не менее 33 десятин земли... [8].

Наконец, упорство черноморцев было вознаграждено, христианская вера вновь вернулась на Кубанскую землю.

Первым каменным храмом в Черномории стал храм Покрова Пресвятой Богородицы на Тамани ², древней земле русского Тмутараканского княжества, построенный войсковым судьей А. Головатым в 1793 г. Его описание дано в донесении «Об успехах в хозяйственном распоряжении Черноморского войска в 1796 г.»: «В Тамани каменная во имя Покрова Пресвятой Богородицы (церковь) с железною крышею и с покрытою белою жестью банею, вокруг оной родючего дерева сад, обнесенный каменною оградю. На северных же воротах имеет быть построена колокольня и положен в ней мраморный камень, свидетельствующий деяния князя Глеба ³» [9]. Храм был снабжен

² Предполагают, что эта церковь была возведена на фундаменте древнего храма, построенного в 1022 г. князем Мстиславом после его победы над косоожским князем Редедей; в эпоху турецкого господства храм был переделан в мечеть. Обошлась церковь в 15 тыс. рублей серебром, собранных у жителей. Здесь некоторое время хранились древности, найденные в Тамани и ее окрестностях [Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С. 455, 470].

³ Т. е. знаменитый Тмутараканский камень – мраморная плита с высеченной на ней русской надписью 1068 г., найденная в 1792 г. на Таманском полуострове. Текст надписи гласит: «В лето 6576 индикта 6 Глеб князь

дорогими богослужebными сосудами и книгами. Особенною красотой отличался иконостас с деревянной резьбой, позолотой и хорошей живописью. «До окончания отделки этого иконостаса, с разрешения преосвященного Иова, епископа Феодосийского и Мариупольского, в сооруженную церковь был получен св. антиминос и вся церковная утварь из походной церкви, доставленная А. Головатым с Днестра, находившейся во время турецкой войны на подчиненной ему флотилии. После этого новая церковь была освящена ⁴ войсковым протоиереем Порохней и в ней началось богослужение» [10].

Первые же богослужения состоялись на Тамани в 1792 г., когда здесь высадились флотилия казаков во главе с Саввой Белым. 12 сентября была получена копия грамоты императрицы Екатерины Великой о пожаловании войску Кубанских земель. В этот же день иеромонахом Герасимом был отслужен благодарственный молебен с многолетием [11].

А теперь вернемся в 1793 г. В это время, в новоустроенную войсковую крепость – град Екатеринодар, была доставлена походная войсковая церковь во имя Святой Троицы. Построена она была из белой парусины с иконостасом, писанном на холсте. Над нею черноморцы возвели деревянный чехол, крытый камышом. 8 сентября 1795 г. капитаном Язучевским из г. Санкт-Петербурга в Екатеринодарскую церковь была доставлена богослужebная утварь: «чаша, дискос ⁵, звезда ⁶, две лжицы ⁷, два копия ⁸ и два блюда весом 14 ор и 8 лотов». Позднее, в 1802 году, в г. Екатеринодаре был построен и освящен деревянный войсковой собор во имя Воскресения Господня [12].

мерил море по льду от Тмуроканя до Корчева 14000 сажен». Надпись впервые опубликована А.И. Мусиным-Пушкиным в 1794 г. Эта публикация о последующие исследования А.Н. Оленина положили начало русской эпиграфике и палеографии [Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С. 470].

⁴ Освящение храма – христианский обряд. Совершается архиереем или, при его отсутствии, кем-либо из пресвитеров (в таком случае архиерей присылает антиминос). Заключается в ритуале устроения престола – важнейшей части храма, его омовения, миропомазания и облачения, после чего переходят к освящению алтаря и всего храма: кадят, окропляют его святой водой, обносят святые мощи вокруг храма, а при священническом богослужении обносят вокруг храма присланный архиереем антиминос. В новоосвященном храме сразу же совершается литургия. Освящение по полному чину, называемое Великое, проводится во вновь построенных или перестроенных церквях, а также в случаях осквернения церкви, использования для небогослужebных целей, или при повреждении престола. По малому чину храм освящается в случае ремонта или незначительной перестройки (без передвижения престола). Его окропляют святой водой и служат молебен с чтением молитв «на обновление храма».

⁵ Дискос (греч. – круглое блюдо) – богослужebный предмет в виде небольшого круглого металлического блюда с плоским широким краем. Снизу прикреплен широким круглым подставкам меньших размеров. Служит для освящения частиц, вынутых из просфор во время проскомидии. В ходе литургии символизирует то вертеп и ясли, где родился Иисус Христос, то гроб, в котором было погребено тело Спасителя.

⁶ Точнее – звезда – богослужebный предмет, состоящий из двух металлических крутых плоских дуг, скрепленных крестообразно. Символизирует звезду над Вифлиемом в ночь Рождества Христова. Употребляется для того, чтобы, при покрытии дискаса покровцем и воздухом к ним не прильнули частицы просфор. Ставится на дискос по окончании проскомидии так, чтобы агнец оказался под пересечением ее дуг, а покровец не касался частиц, вынутых из просфор.

⁷ Лжица (греч. – клещи) – священный сосуд, с крестом на рукоятке, употребляемый, как ложечка для причащения мирян и церковнослужителей. Изготавливается из золота, серебра, олова или металлических сплавов, не дающих окиси.

⁸ Копие – плоский железный нож в виде наконечника копья, заостренный с двух сторон и вставленный в деревянную или костяную рукоять, необходимая принадлежность для совершения проскомидии (используется для извлечения частиц из просфор и вырезания и раздробления Агнца).

На постройку третьей церкви в куренном селении Старощербиновском кошевой атаман Чепега дал лес из разобранного ханского дворца. «А в прочих казачьих поселениях боголюбивые черноморцы сами строили церкви и молитвенные дома, собирая для этого деньги из добровольных пожертвований, и на Кубанской пустыне засиял Святой Крест» [13].

8 декабря 1793 г. иеромонах Коментарий из Феодосийской духовной консистории сообщил: «От его преосвященства Иова, епископа Феодосийского и Мариупольского на прошение онаго Войскового Правительства, для священнослужения в войсковой церкви и преподавания людям христианских треб, отправлены впредь до востребования из штата Феодосийского архиерейского дома священник Василий Дячевский и диакон Филипп Стояновский, о чем Феодосийская духовная консистория верного императорского войска Черноморского в Войсковое Правительство к сведению сообщает» [14].

30 апреля 1794 г. консистория известила Войсковое Правительство о том, что присланные от войска бывшие казаки Яков Дячевский, Андрей Коломиец и Петр Писменный посвящены преосвященным Иовом во стихари – первые два причетниками, а последний пономарем к походной войсковой Троицкой церкви. А 17 марта 1794 г. Екатеринославская духовная консистория известила Войсковое Правительство о том, что Гавриил, митрополит Екатеринославский и Херсонский, по Высочайшему повелению, возвел в сан протоиерея священника м. Новоселицы Романа Порохню и отправил его в Черноморию в качестве войскового протоиерея [15].

6 июля 1794 г. Войсковое Правительство направило письмо Преосвященному Иову, Епископу Феодосийскому и Мариупольскому, с просьбой «до устроения в куренных селениях церковей учредить походные: 1-ю в Копиле, Св. Архистратига Михаила, 2-ю – на устье Бейсуга – Святителя Николая, 3-ю – Ейской, Преображения Господня, а 4-ю в Челбасах – во имя Великомученика и Победоносца Георгия», а также направить к этим церквям антиминсы и рукоположить во священники дьячков: стихарного Андрея Коломийца (впоследствии умершего на пути из Тамани) и указных Ивана Андреевского и Кондрата Белого. На это прошение осенью того же года последовала резолюция Его Преосвященства: «Две походные церкви в Копиле и на устье речки Еи поставить дозволить, для которых и святые антиминсы в Копильскую Архистратига Михаила, а в Ейскую – Преображения Господня от нас выданы, а в Бейсуге и Челбасах поставить таковые ж походные церкви дано будет дозволение тогда, когда к оным произведены будут священники. Представленным же от Войскового Правительства двум указным дьячкам Кондрату Белому и Ивану Андреевскому, поелику оне не только к понесению священнической должности себя не приуготовили, но и отправки церковной по уставу почти вовсе не разумеют, от производства отказать, а велеть им обучаться и по изучении надлежащими как выбором тех жителей, куда оне избраны будут священники, так и с представлением Войскового Правительства, равно и об изучении их от войскового протопопа свидетельством, явиться к нам» [16].

Тем не менее, на территории области Черноморского казачьего войска в эти годы продолжала складываться уникальная система духовных взаимоотношений, в основе которой полагались принципы сходные с теми, что существовали в первые века распространения христианской веры: казаки избирали священнослужителей по куреням, давали им одобрительные приговоры, а затем посылали своих кандидатов для посвящения правящему архиерею. Так, например, в 1796 году жители куреней Иркиевского и Брюховецкого просили владыку Гервасия, Епископа Феодосийского и Мариупольского, разрешения построить церковь и рукоположить к ней священником казака Вышестеблиевского куреня Гавриила Куса, исправлявшего обязанности дьячка при войсковой Троицкой церкви. «Свидетельствуем, - писали казаки, - что от роду Кусу 30 лет, состояния доброго, не пьяница, не бийца, не мшелоимец, в домостроительстве своем исправен и рачителен, не клеветник, не сварлив, в воровстве и обманстве не облечен, женат первым браком на девице» [17]. В этих словах как бы заключена характеристика идеального пастыря, человека с чистым сердцем и кроткой голубиной душой, несущего Свет христианской веры своему народу, вставшему непоколебимым щитом на границах Великой Империи, называемой, в смысле мистико-державной преемственности, Третьим Римом. К сожалению не все служители церкви были такими, и все же сам народ, Войсковое Правительство, и духовные власти, несомненно, заботились о том, чтобы пастыри и церковный клир состояли из лиц избранных населением из своей среды, людей излюбленных по приходам и «добраго состояния» по своим нравственным качествам. Таким образом, в Черномории сложилась традиция, по которой «казаки назначали из самих себя священников и причетников, которых кошевой атаман передавал епископу Феодосийскому для испытания и посвящения, это была одна из давних привилегий войска», окончательно отмененная войсковым положением 1842 года [18].

Время шло, а храмы в Черномории продолжали строиться и благоукрашаться. 24 июля 1795 г. в г. Екатеринодар, по воде, из Херсона, были доставлены колокола: «первый весом в 440 пудов, второй – 120, а также – пять мелких (по 27 пудов) и один в Тамань, весом в 200 пудов» [19].

Несомненно, строительство храмов требовало огромных затрат и часто тех сумм, которые выделялись правительством и собирались путем добровольных пожертвований не хватало, поэтому предприимчивые казаки изыскивали дополнительные возможности для сбора средств на свое богоугодное дело. Так, например, в сентябре того же года, на речки Ея, у Чорного Брода, «где и местечко Ейское из селения Щербиновского населяется, выстроен церковный мост, на коем взыскивается на церковь с проезжавших партикулярных людей от воза тяжелого по пять, легкого – по две копейки, от рогатой скотины – по денге, а от овцы – по копейке» [20].

В это же время ряд представителей черноморского духовенства становится владельцем обширных земельных угодий. Так, в 1795 г. войсковому протоиерею Роману Порохне «на речке Кочетах от гребли атамана кошового в гору, по речке, где козаки Быцули жительствоваали, по обе стороны речки, в

длину, по речке же, на шесть верст земли отведено»; священнику Василию Дячевскому «не в отдаль города Екатеринодара, на речке Конуре, при устьях ея, разделенных двоих главных вершин, пониже первой Конурской от города почты, по обоим сторонам речки в длину, в прямую линию, на четыре версты земли отведено»; диакону Федору Романовскому «на речке Кочетях, повыше протоиерея Порохни, по обеим сторонам в длину, по течению оной, на три версты земли отведено»; священнику Филиппу Стояновскому «отведено на речке Ясенях, по течению, с обеих сторон, на четыре версты земли» [21].

К декабрю месяцу 1797 г. в Черноморском войске насчитывалось уже 23 священника, а именно: в Тамане - Павел Демяшко, в Екатеринодаре – протоиерей Роман Порохня и священник Василий Дячевский, в Васюринском курене Федор Романовский, в Роговском Яков Дячевский, в Иркилевском и Брюховецком – Гавриил Кус, в Березанском и Батуринском – Демян Кособок, в Калниболоцком – Федор Котелинский, в Кисляковском – Григорий Белый, в Леушковском и Крыловском – Алексей Волинский, в Величковском – Иван Суима, в Полтавском – Григорий Стрешенко, в Джерелиевском – Мирон Барвенский, в Конеливском – Федор Соболев, в Корсунском – Григорий Канюка, в Сергиевском – Яков Говорусский, в Куцевском – Федор Небитий, в Поповичевском – Степан Твердомеров, в Пластуновском – Иван Андреевский, в Шкуринском – Федор Доможиркий, в Дядьковском и Кореновском – Мирон Трофименко, в Незамаевском – Евтихий Левченко, в Уманском – Федор Соколовский, в Щербиновском – Филипп Стояновский [22].

К этому же времени на территории Черномории была осуществлена закладка и началось строительство храмов:

1. В городе Екатеринодаре – Святой Троицы (походная);
2. В Тамане – Покрова Пресвятой Богородицы;
3. В Васюринском курене – Успения Пресвятой Богородицы;
4. В Леушковском курене – Вознесения Господня;
5. В Роговском – Святителя Николая Чудотворца;
6. В Полтавском – Обрезания Господня;
7. В Сергиевском – Святых Апостолов Петра и Павла;
8. В Корсунском – Благовещения Господня;
9. В Величковском – Святой Великомученицы Варвары;
10. В Конеловском – Воскресения Господня;
11. В Кисляковском – Рождества Пресвятой Богородицы;
12. В Щербиновском – Преображения Господня;
13. В Крылевском - Покрова Пресвятой Богородицы;
14. В Джерелиевском – Архистратига Михаила;
15. В Березанском – Воздвижения Честнаго и Животворящего Креста Господня;
16. В Поповичевском – Богоявления Господня;
17. В Калниболоцком – Святителя Георгия Победоносца;
18. В Куцевском – Святителя Иоанна Богослова;
19. В Пластуновском – Вознесения Господня;
20. В Ведмедовском – Успения Пресвятой Богородицы;

21. В Дядьковском – Саввы Освященного;

22. В Незамаевском – Пророка Илии [23].

Из рапорта войскового протоиерея Романа Порохни войсковому атаману Т.Т. Котляревскому от 3 января 1799 г. становится известным, что к этому времени в Черномории уже проводились Богослужения в войсковой походной Троицкой церкви г. Екатеринодара (при ней войсковой протоиерей Роман Порохня, священник Василий Дячевский, диакон Сергей Савич, подстихарные пономари Петр Писменный, Прокопий Крамаренко и ктитор прапорщик Георгий Орлов), в Покровской церкви г. Тамани (при ней священник Павел Демешко), в храме Обрезания Господня селения Полтавского (при ней священник Григорий Стрешенко), в походном храме Архистратига Михаила Джерелиевского селения (при нем священник Мирон Барвенский, но как устранен он от священнослужения и преподавания треб, определен присланный от его Преосвященства для проискания места Максим Зубыцкий), в Николаевском храме селения Роговского (при нем священник Яков Дячевский, подстихарный пономарь Николай Перетятка), в храме Святой Великомученицы Варвары селения Величковского (при нем священник Иван Сулима), в Благовещенском храме селения Корсунского (при нем священник Григорий Канюка), в Успенском храме селения Васюринского (при нем священник Федор Романский), в Крестовоздвиженском храме селения Березанского (при нем священник Дамиан Косогон), в Покровском храме селения Ирклиевского (при нем священник Гавриил Кусов), в Вознесенском храме селения Леушковского (при нем священник Алексей Волынский), в храме Георгия Победоносца в селении Калниболотском (при нем священник Федор Каталинский), в Ильинском храме селения Незамаевского (при нем священник Евтихий Левченко), в Рождество-Богородицком храме селения Кисляковского (при нем священник Григорий Белый), в Воскресенском храме селения Конеливского (при нем священник Федор Соболев) и в Преображенском храме селения Щербиновского (при нем священник Филип Стояновский).

Храмы же: Сошествия Святого Духа на Апостолов селения Шкуринского (при нем священник Федор Доможиркий), Саввы Освященного селения Дядьковского (при нем священник Мирон Трохименко), Петропавловский селения Сергиевского (при нем священник Яков Говоруский), Вознесенский селения Пластуновского (при нем священник Иоанн Андреевский), Введенский селения Пашковского (при нем священник Стефан Стринский), Богоявленский селения Поповичевского (при нем священник Иван Твердомед), Успенский селения Ведмедовского (при нем священник Григорий Несторов) и Сретения Господня селения Ивонивского (при котором священника и церковников еще нет), были заложены, но строительство их к январю 1799 г. окончено не было.

Трехсвятительский храм в селении Уманском и Свято-Никольский в селении Каневском, которые, по указу Феодосийской духовной консистории, повелевалось заложить, заложены еще не были «по недостатку материалов» [24].

8 октября 1799 в соответствии с предложением Войскового атамана Т.Т. Котляревского был заключен контракт с сотниками войска Донского Гусельщиковым и Николаевым на постройку «собственными их рабочими людмы» церкви в г. Екатеринодаре во имя Воскресения Христова⁹ [25].

А пятью годами ранее, по указу императрицы Екатерины Великой от 24 июля 1794 г. и по многочисленным просьбам черноморских казаков на Кубани был учрежден первый монастырь. В указе говорилось: «Снисходя на прошение Нашего верного войска Черноморского войскового правительства и старшины, Всемилостивейше позволяем: ...устроить монашескую пустынь, в которой бы престарелые и раненые на войне казаки, по богоугодному желанию своему, могли воспользоваться спокойною в монашестве жизнью...». Святейший Синод своим постановлением от 7 августа того же года предписал построить церковь с колокольней и кельями согласно преданиям церкви на 30 монашествующих и 10 больничных. Разрешено построить и больничный храм. На основании постановления Синода, в том же 1794 г., войсковым правительством было указано место для монашеской пустыни: «На острове, омываемом водами Лебяжьего лимана, куда впадают две реки – Бейсуг и Бейсужек. Остров этот – длиною более версты и шириною с версту. Окрестности его совершенно пустынный: здесь, кроме густо растущих камышей, не имеется никаких других растений, а потому это место очень удобно для помещения отшельников и духовных подвижников...». По замыслу создателей, Екатерино-Лебяжская Николаевская пустынь должна была унаследовать традиции Киево-Межигорского монастыря и стать оплотом православия вдали от центра епархии. Свое название пустынь получила в честь небесной покровительницы императрицы Екатерины II св. Великомученицы Екатерины и наиболее почитаемого среди казаков святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских Чудотворца. Пустынь строилась по типу общежительного монастыря на войсковые пожертвования. Первым ее настоятелем стал иеромонах Феофан из Самарского Николаевского монастыря в Запорожье, прибывший с двумя монахами в Черноморию в 1796 г. [26].

В письме из Феодосийской духовной консистории верного Императорского войска Черноморского в войсковое правительство от 6 октября 1795 г. сообщалось о назначении иеромонаха Феофана: «Указами Ея Императорского Величества и Святейшего Правительствующего Синода от 3 сентября сего года его преосвященному Иову епископу Феодосийскому и Мариупольскому велено в устрояемую по именному Ея Императорского Величества указу, данному синоду прошедшего 1794 года июля в 24-й день, в селениях верного Ея Императорского Величества войска Черноморского монашескую пустыню избранного оным войском, вследствие указа из Святейшего Синода того же 1794 года августа от 7-го дня, настоятелем, бывшего в Екатеринославской

⁹ Войсковой Воскресенский собор в г. Екатеринодаре был торжественно заложен 29 августа 1800 г. и являлся почти копией запорожского Самарского собора. 5 октября 1802 г. собор был освящен; поскольку иконостас еще не был сооружен, в собор перенесли иконостас на полотне из разобранный Свято-Троицкой церкви. Воскресенский собор простоял на крепостной площади до 1879 г. и был разобран из-за ветхости // Православная церковь на Кубани (конец XVIII - начало XX в.). Сборник документов. Краснодар, 2001. С. 546.

епархии в Самарском Николаевском монастыре, начальника иеромонаха Феофана произвести в архимандрита, почему всходственность резолюции его преосвященства в Феодосийской духовной консистории определено: как при освящении упомянутого иеромонаха Феофана в архимандрита по чиноположению церковному следует и наречение ему ознаменовать по храму пустыни, для того сообщить верного Императорского войска Черноморского в войсковое правительство и требовать уведомление, в какое наименование в новозаводимой Черноморским войском монашеской пустыни храм основан будет» [27].

26 мая 1796 г. преосвященный Иов, епископ Феодосийский доводит до сведения кошевого атамана Захария Чепеги следующее: «По требованию вашего превосходительства под вновь заводимую Черноморскую монашескую пустынь, наименованную Екатеринолебяжскою Святоиколаевскою заложить место и на нем на первый случай трапезную во именование Великомученицы Екатерины церковь, дал я повеление означенной пустыни отцу архимандриту Феофану» [28].

Одному Богу было ведомо, сколько трудов, слез и молитв положил архимандрит Феофан на устройство пустыни. В прошении Котляревского в Святейший Синод от 17 сентября 1798 г. о его трудах сказано следующее: «... архимандрит Феофан ... в той пустыне сооружил по архитектурскому плану трапезную церковь, трапезу, поварню, пекарню, келарню для хлеба и всякой монастырской рухляди амбар, для варенья и напитков погреб и медовню, настоятельские братские и больничные кельи и конюшню (она построена вся деревянная, под крышей сосновой шелевки), также и оградил пустынь сосновыми досками и уже в трапезной церкви повседневное богослужение отправляется, хотя и с трудностию, потому что там только один иеромонах, а другой иеродиакон, монахов же нет, а одни послушники, войсковым правительством аттестованные и проходящие монашеский искус...» [29].

В начале XIX века, в соответствии с административно-территориальными и церковными преобразованиями в России, в Черномории было создано духовное правление во главе с войсковым протоиереем, однако с этого момента его власть перестала быть единоличной, так как в состав правления входили секретарь, следователи и депутаты. «Духовное правление стало первой и фактически главной инстанцией, с которой начинались и в большинстве случаев вершились дела черноморского духовенства» [30].

Екатеринодарское духовное правление находилось в ведении Екатеринославской духовной консистории, которая являлась исполнительным органом при епархиальном архиерее. Власть епархиального архиерея в то время ощущалась в Черномории весьма слабо, он только посвящал в сан выбранных казаков, а также назначал и утверждал их в должности [31].

Начало XIX века совпало с еще одним важным событием, назначением в Черноморию войсковым протоиереем Кирилла Васильевича Россинского (1803). Возглавив черноморское духовенство, он много внимания уделял налаживанию церковной службы, которая зачастую велась весьма плохо из-за нехватки образованных священников и низкой религиозной грамотности.

Несмотря на старания предшествующих протоиереев Р. Порохни и С. Куницкого, которые положили начало церковному строительству, проблема кадров так и не была решена окончательно [32].

Поэтому с первых дней своей деятельности в Черномории о. Кирилл Россинский стремился расширить число священнослужителей. Он стремился к тому, чтобы в каждом черноморском курене была своя церковь с грамотным настоятелем, который бы не только жил нуждами своих прихожан, но и хорошо знал церковную службу. Невзирая на трудности, войсковой протоиерей, начинает обучать наиболее способных из среды казачества грамоте и Священному Писанию, церковным уставам и пастырским обязанностям. Затем, с разрешения войскового правительства и одобрения станичного общества, посылает своих учеников к Екатеринославскому архиепископу, который возводит их в сан иерея [33].

Открытые стараниями о. Кирилла в 1806 г. уездное, а к 1819 г. 10 приходских училищ также способствовали увеличению количества грамотных людей, из среды которых впоследствии появились образованные священники, но только с открытием усилиями К.В. Россинского в 1818 г. в Екатеринодаре приходского духовного училища проблема подготовки священнических кадров в основном была решена. Заботясь о повышении уровня церковной культуры, отец Кирилл много внимания уделял обучению черноморцев правильному чтению молитв. По этому поводу он писал в Екатеринославскую епархию: «В связи с тем, что некоторые места отдалены от церкви до 80 верст, многие жители Кубани не знают молитв и церковной символики. Не зная верных слов, народ их сам додумывает, что недопустимо. Поэтому необходимо по слову Божьему прихожан обучать основным молитвам в церкви во святые посты в утреннюю и вечернюю службу» [34].

Но все было не так просто: черноморцы не желали обучаться молитвам, полагая, что главное – это соблюдение поста. Желая изменить ситуацию, протоиерей отправляется по казачьим куреням, где, при личной встрече, убеждает черноморцев, показывая пагубность их заблуждения. «Молитва, - убеждает о. Кирилл, - одновременное искание Бога и встреча с Ним, которая перерастает в общение. Ребенок не может почувствовать отцовской любви без общения с ним, так же и верующий ничего не сможет достичь без духовного общения с Богом, без молитвы такое общение невозможно» [35].

Искренне полагая, что красивое внутреннее и внешнее убранство храма оказывает определенное воздействие на человека, заставляет его задуматься о своем бытии и способствует лучшему восприятию проповеди, отец Кирилл Россинский много внимания уделял церковному строительству. Протоиерей считал, что Божий храм должен иметь свое здание, а не располагаться в обычном доме (к 1803 г. 42 черноморские церкви не имели специального здания и располагались в обычных строениях) [36].

В поисках средств для церковного строительства Кирилл Россинский обратился за поддержкой к жителям Черномории. Активность черноморцев в благотворительной акции была столь велика, что впоследствии это начинание стало традицией. Все церкви в Черномории, построенные в начале XIX

века, возводились в основном за счет личных сбережений граждан или же за счет сельских обществ. В общей сложности, благодаря трудам войскового протоиерея К.В. Россинского на Кубани было построено 27 храмов [37].

«Таковыми-то путями, - по словам Ф.А. Щербина, - шло образование черноморского духовного сословия. Немногие теневые стороны в этом процессе формирования духовных руководителей казачества были, конечно, продуктом времени и обуславливались степенью казачьей культуры; но они не убили живого начала, легшего в основание своеобразного казачьего института. И само население, и Войсковое правительство, и духовные власти заботились о том, чтобы пастыри и церковный клир состояли из лиц избранных населением из своей среды... Выборное начало служило тем связующим звеном, которое прикрепляло пастыря духовного, члена общества, к пасомым – приходу. Духовенство, избранное из казачьей среды, навсегда оставалось, вместе с тем, и в казачьем сословии, получало земли наравне с другими общинниками, а дети его числились в посемейных списках в казачьем звании и несли военную службу, раз не причислены были, по тем или другим причинам, к службе духовной» [38].

В заключение, хотелось бы отметить, что и в наши дни, когда на Кубанской земле, в Кубанских городах и станицах, вновь восстанавливаются старые и воздвигаются новые храмы, весьма важно с благодарностью вспомнить имена тех, кто в конце XVIII века поселился на южных рубежах Великой Империи не как завоеватель, а как труженик и созидатель, придя на эту землю с крестом и молитвой, дабы в душах людей заструился родник, текущий в жизнь вечную.

Источники и литература:

1. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С. 506-507.
2. Дело мира и любви: очерки истории культуры и православия на Кубани / науч. ред. О.В. Матвеев. – Краснодар: Православный Екатеринодар: традиция, 2009. С. 30.
3. Геден, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. Москва-Пятигорск, 1992. С. 94.
4. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т.1.С. 583-584.
5. Дмитренко И.И. Сборник материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т.3. СПб., 1896. С. 696.
6. Дмитренко И.И. Сборник материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т.3. СПб., 1896. С. 694.
7. Дмитренко И.И. Сборник материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т.3. СПб., 1896. С. 705.
8. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т.1.С. 583-584.

9. Дмитренко И.И. Сборник материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т.4. СПб., 1898. С. 110.
10. Короленко П.П. А.А.Головатый – кошевой атаман // Кубанский сборник. Т. 11. Екатеринодар, 1905. С. 81.
11. Шептун С. Из истории Православной Церкви на Кубани. Краснодар, 1995. С. 386; ГКУ «Государственный архив Краснодарского края» (далее ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 190. Л. 105-105а.
12. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 338. Л. 6 об.; Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С. 156.
13. Короленко П.П. Первоначальное заселение черноморскими казаками Кубанской земли // Известия ОЛИКО. Вып. 1. Екатеринодар. 1899. С. 61.
14. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 253. Л. 17.
15. Там же. С.585.
16. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 338. Л. 2-3.
17. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т.1. С. 586.
18. Попка И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы. Санкт-Петербург, 1858. С. 108.
19. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 338. Л. 6 об.
20. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 338. Л. 7.
21. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 338. Л. 74 об., 75 об., 76.
22. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 28. Л. 167-167 об.
23. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 28. Л. 168.
24. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 392. Л. 8-10.
25. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 405. Л. 72.
26. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С. 162.
27. Дмитренко И.И. Сборник материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т.4. СПб., 1898. С. 66.
28. Там же. С. 118.
29. Там же. С. 348.
30. Щербина Ф.А. Указ соч. С. 770.
31. Дело мира и любви: очерки истории культуры и православия на Кубани С. 52-53.
32. Там же. С. 67.
33. Там же. С. 68.
34. ГАКК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.
35. Дело мира и любви: очерки истории культуры и православия на Кубани... С. 69.
36. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 294. Л. 53.
37. Дело мира и любви: очерки истории культуры и православия на Кубани. С. 69.
38. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т.1. С. 588-589.

Статья опубликована в сборнике XIII научно-практической конференции, организованной администрацией края, Кубанским казачьим войском, Краснодарским краевым общественным фондом памяти Ф.А. Щербины, Академией маркетинга и социально-информационных технологий.